

«ГАРАНТИРОВАННЫЙ» ЗВЕРЕВ

14 сентября в Музее личных коллекций открылась выставка произведений этого художника

Мегаполис май 1994. — 21 сент. — с. 7.

Игорь Дудинский

Вернисаж

ЗВЕРЕВ — классический авангард для бедных. Он завершил творческий путь на той же ноте, с которой начинал, практически не видоизменяясь и не эволюционируя. Избрав для себя беспечную, но полную риска и впечатлений судьбу клошара, он сплавил воедино жизнь и искусство, в качестве формы самовыражения предпочтя внятное неистовство неоксpressionизма. Его смерть фатально совпала с началом «гласности», что обеспечило ему мгновенный и запрограммированный им самим переход в

мительное и страстное скольжение по попадавшимся под руку плоскостям невольно слилось в коллективном бессознательном с «пушкинским началом» — отсутствием подтекста, незатейливостью тем и сюжетов, беглостью и легкостью изложения, хлещущей через край жизнерадостностью, всепобеждающим оптимизмом и апелляцией к «слишком человеческому». Неспроста он больше популярен у ценителей почвеннической ориентации — те сразу раскусили в нем выразителя «нашего» мироощущения, явившегося на смену Кипренскому и Левитану, чтобы на современном витке продолжить традицию салонного портрета и воспевания родной природы.

Как и Пушкина, Зверева

новательно спутав им карты (кстати, атрибутировать Зверева невозможно, так что смело вешайте на стену любой из приглянувшихся холстов — Анатолий Тимофеевич охотно засвидетельствовал бы его подлинность, особенно если бы вы тут же вместе обмыли покупку). Ценность выставки, прибывшей в Москву из Геттингена благодаря инициативе немецкого издателя господина Тете Аркана и сотрудников Музея изобразительных искусств имени Пушкина, в том, что она представляет Зверева подлинного, «гарантированного». Мудрый грек Георгий Дионисевич Костаки, собирая свою уникальную коллекцию, конечно же, не полагался на советы «квалифицированных экспертов», приобретая только то, что Анато-

Когда производство вышло из-

Подлинный Анатолий Зверев. Автопортрет. Триптих. 1978. Из коллекции И. Дудинского.

бессмертие. На его прежде запретное имя набросились все кому не лень. Его ставшая фантастической известность подтвердила его «народность» — мятежная русская душа пылко отозвалась на его диковатый («звериный»), простовато-юродивый язык выбившегося «из низов» эстета и аристократа.

В Звереве воплотилась извечная тоска по национальному эталону, истине в последней инстанции. Его оголтело-раскованное, стре-

«слишком много». Сегодня он неотъемлемая часть каждого «приличного» интерьера. Мода и относительная доступность изобразительных средств, которыми он пользовался, спровоцировали лавину подделок — их количество в тысячи раз перекрыло его и без того обширное наследие. Отчасти виной тому сам Анатолий Тимофеевич, в бытность свою придворным живописцем западных дипломатов опрометчиво наладивший конвейерное тиражиро-

под контроля и стало массовым (его почерк освоило более молодое и предприимчивое поколение собутыльников), он не огорчился. Никогда не изменявший ему крепкий «распутинский» инстинкт подсказал, что количество — самый надежный путь к будущему всемирному признанию, тем более, что оставлять наследство было некому, а все свое он носил с собой. Заодно неплохо бы покуражиться над напыщенными искусствоведами в штатском, ос-

лий Тимофеевич лично создавал в его присутствии. С тех пор его примеру следовали все, кто стремился заполучить «подлинного Зверева». Заготавливали питье, еду, краски, холсты и заманивали бездомного гения теплом и уютом комфортабельных апартаментов. Когда надоедало — выставляли на улицу.

Потому что у нас кто успел, тот и съел, а гарантии — только на кладбище.